

УДК 821.161.1

В.С. Киселев

**В.А. ЖУКОВСКИЙ В СУДЬБЕ АЛЕКСАНДРА РЕЙТЕРНА
(ПО МАТЕРИАЛАМ ПИСЕМ 1840-х гг. К ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ
АЛЕКСАНДРУ НИКОЛАЕВИЧУ)**

*Статья подготовлена при финансовом содействии гранта РФФИ № 18-012-00113
и программы повышения конкурентоспособности ТГУ («Фонд Д.И. Менделеева», проект № 8.1.35.2018).*

Раскрываются эпизоды биографии А.Е. Рейтерна (1824–1879), в будущем генерал-лейтенанта, получившие освещение в письмах 1840-х гг. его шурина В.А. Жуковского к великому князю Александру Николаевичу. В них отразились стратегии выстраивания отношений поэта с царской фамилией, за которыми стояла концепция «семейственной монархии», окрашенная «рыцарскими» тонами. Впервые публикуется письмо В.А. Жуковского к цесаревичу от 11 (23) декабря 1844 г. и ряд фрагментов, исключенных при первой публикации писем в «Русском архиве».

Ключевые слова: А.Е. Рейтерн; В.А. Жуковский; великий князь Александр Николаевич; семейственная монархия; рыцарская семантика.

Статья имеет своей целью осветить несколько сюжетов, вырисовывающихся из переписки 1841–1850 гг., в том числе неопубликованной, В.А. Жуковского с великим князем Александром Николаевичем и связанных с Александром Евграфовичем (Гергардовичем) Рейтерном (1824–1879), шурином поэта. В них отразились, помимо биографических реалий, стратегии выстраивания отношений автора с царской фамилией, за которыми, в свою очередь, стояла концепция «семейственной монархии», окрашенная «рыцарскими» тонами.

А.Е. Рейтерн – примечательная фигура царствования Александра II, военный, администратор, дипломат. Будучи адъютантом главнокомандующего армией Ивана Федоровича Паскевича, он участвовал в войне с Турцией 1854 г., находился при осаде крепости Силистрии, участвовал в боях; за храбрость и мужество был награжден орденами Св. Анны 3-й и Св. Владимира 4-й степени с бантом. После завершения осады Силистрии 25 января 1856 г. был назначен флигель-адъютантом к императору Александру II. В этой должности сопровождал императора во время Высочайших смотров в Ковно и Варшаву (1858), в Умань и Варшаву (1859), в Тверь и Москву (1860, 1861), в Елисаветград (1861) и Ригу (1862). Неоднократно выполнял особые поручения императора. В 1866–1870 гг. Рейтерн командовал лейб-гвардии Драгунским полком. В 1871–1873 гг. был губернатором Таврической губернии в Новороссии. С 25 июня 1873 г. назначен посланником при германском императоре и переехал в Берлин. Находясь в этой должности до смерти в 1879 г., был пожалован в звание генерал-адъютанта, а затем генерал-лейтенанта.

На протяжении всей служебной карьеры – до переезда в Берлин – Рейтерн неизменно находился при императоре, даже губернаторствовал он, не покидая свиту Его Величества. Рейтерн, не демонстрируя выдающихся административных, военных или дипломатических качеств, был образцом лично преданного человека, полностью вручившего свою судьбу монарху и готового исполнить любую требуемую им службу, за что неизменно удостоивался царского внимания

и поддержки. В этом смысле он в полной мере наследовал этос николаевского царствования, в котором, по словам Ю.М. Лотмана, «идеи “вручения себя” и отказа от культуры, основанной на конвенциональной знаковости, вновь вышли на первый план. <...> это была архаическая идея провиденциальной миссии самодержавия, фанатически насаждавшаяся Николаем I» [1. С. 33].

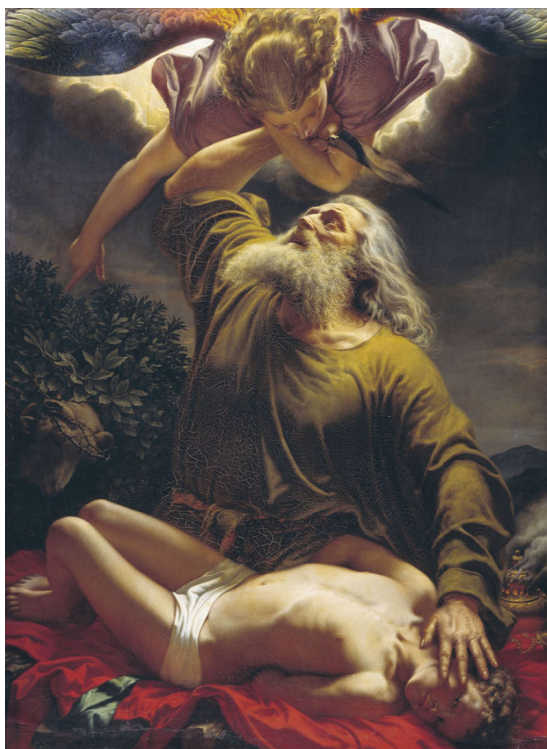
Подобный этос сформировался у Александра Рейтерна в 1840-е гг., когда он восемнадцатилетним юношей благодаря протекции своего шурина В.А. Жуковского вступил в российскую военную службу – по следам своего дяди Христофора Романовича Рейтерна (1782–1833), генерала-лейтенанта, и кузена-сверстника Христофора Христофоровича Рейтерна (1824–1859), впоследствии полковника. О Х.Х. Рейтерне Жуковский также просил великого князя 3 (15) августа 1841 г.:

При своем прощании с Вашим Высочеством я просил вас о принятии под Ваше особенное покровительство молодого Рейтерна (теперь моего родственника), служащего в кирасирском полку, носящем имя Вашего Высочества. Он совершенно не имеет никаких средств себя поддерживать, и недавно умер отец его (родной брат моего тестя). Вы обещали милостиво обратитесь на него Ваше внимание. Прошу Вас снова о Рейтерне. При отъезде моем генерал Веймарн¹ обещал мне переговорить с Вашим Высочеством об этом деле; не знаю, удалось ли ему это исполнить [2. С. LI].

Кузены Александра также находились в сфере внимания цесаревича. Х.Х. Рейтерн, к сожалению, рано умер и не успел сделать большой карьеры, но Михаил Христофорович Рейтерн (1820–1890) под покровительством великих князей, особенно Константина Николаевича, стал выдающимся государственным деятелем, министром финансов (1862–1878) и председателем Кабинета министров (1881–1886). Последний, впрочем, пройдя Царскосельский лицей, получил несколько иное

воспитание, скорее соответствовавшее идеалам личностной независимости и «договорной», по определе-

нию Ю.М. Лотмана, модели отношений с верховной властью (см. о нем в статье [3]).

Г.В. фон Рейтерн. Авраам приносит Исаака в жертву (1849)

Александр Рейтерн вышел из семьи, где «рыцарские» традиции жизнестроительства, напротив, культивировались [4]. Они были свойственны отцу, Герхардту-Вильгельму (Евграфу Романовичу) фон Рейтерну (1794–1865) [5], в прошлом гусару и участнику наполеоновских войн, а с 1830-х гг. художнику русского двора, создавшему, в частности, серию акварельных портретов рядовых императорской гвардии (1832) – реалистичных и в то же время пронизанных поэзией «служения». В его творчестве сюжет «вручения» соединялся с религиозным пиетизмом, с темами жертвенности, столь ярко воплощенными в картине «Авраам приносит Исаака в жертву» (1849).

Органичным продолжением этой установки явилось направление совсем юного сына Александра на российскую военную службу – своеобразный жест доверия и благодарности царской семье. Это было определено еще в 1838 г., когда в ходе заграничного путешествия великий князь Александр Николаевич и царская чета, Николай I и Александра Федоровна, при встрече с семьей покровительствуемого художника разрешили заочно зачислить четырнадцатилетнего юношу в Дворянский полк, высшую военную школу, готовящую к службе в российской армии – с прохождением обучения Александра Рейтерна в прусских военных школах (ср. записи в дневнике Жуковского: «4 (16) августа, четверг. <...> Встреча Рейтерна с великим князем. <...> 8 (20) августа, понедельник. У великого князя с Рейтерном. <...> 31 августа (12 сентября), среда. <...> У императрицы с Рейтерном.» [6. С. 113, 114, 116]). Во время следующего заграничного путешествия императорской семьи и их пребы-

вания в Эмсе 8–11 июня 1840 г. это покровительство было еще раз подтверждено (ср. запись в дневнике Жуковского: «8 (20), суббота. Рейтерн в Эмсе с семьей. Встреча с государем и государыней» [6. С. 211]). Настоящая же служба молодого человека началась в 1842 г., и в ее благополучном прохождении немалую роль сыграл Жуковский, ставший к тому моменту шурином Александра.

Для Жуковского этос служения и семейственной преданности царской фамилии был естественной частью жизни, воплотившейся в долголетнем самоотверженном труде по воспитанию наследника престола. Ореолом подобного «вручения» окружил поэт решение Рейтернов и саму личность Александра в письме-просьбе цесаревичу от 18 (30) мая 1842 г.:

Я отложил отвечать на последнее любезное и милостивое письмо Вашего Высочества для того, чтобы вверить ответ мой шурина моему, Александру Рейтерну, который отправляется в Петербург на службу царю и которого, с надеждою на Вашу милость и любовь, предаю в Ваше высокое покровительство. Государь Император оказал уже величайшее благодеяние Александру Рейтерну, соизволив повелеть включить его в корпус дворянского полка. Это для него во многих отношениях выгодно: не говоря уже о ходе самой службы, он будет иметь время выучиться по-русски и таким образом, не вступая в действительную службу, устранить то, что ее могло бы для него сделать затруднительною. Я здесь не мог помочь ему

начать изучение русского языка; этому причиной было то, что он во все последнее время находился в Кёльне, а не в Дюссельдорфе, дабы слушать там лекции в военной офицерской школе; он не потерял своего времени и получил хорошие аттестаты от наставников, с которыми имел бы право на произведение в офицеры в прусской армии. Это будет ему хорошим приготовлением для изучения службы русской в школе Дворянского полка, и он будет теперь иметь время заняться со всевозможным вниманием своим языком. Отвечаю Вам за его усердие. В то же время отвечаю Вам и за него самого: в семье отца научился он любить Отечество и Государя; это чувство вошло в душу его и долготелюю привычкою, и отцовскими наставлениями, и тем, что он ежедневно видел и слышал в своем семейном доме. Нравственность его сохранилась чистою: он полон рвения, и при взгляде на него Вы сами легко убедитесь, что из него выйдет бодрый солдат. Уверяю Вас, что он теперь всеми чувствами предан царю своему и его наследнику; как говорится, он с ног до головы, наяву и сонный царев и Ваш и сочтет блаженством (когда дойдет до того) положить голову и жизнь за него и за Вас [7. С. LXIII].

Риторика письма специфична: Жуковский предполагал, как впоследствии и случилось, что Александр будет служить не просто русскому престолу, но лично великому князю, станет его конфидентом и своеобраз-

ным представителем семьи Рейтернов–Жуковских при царской фамилии. Отсюда столь насыщенные апелляции к традициям Рейтернов («в семье отца научился он любить отечество и государя; это чувство вошло в душу его и долготелюю привычкою, и отцовскими наставлениями, и тем, что он ежедневно видел и слышал в своем семейном доме»), в которых монархизм предстал как интимное чувство, позволяющее полностью ассоциировать себя с сюзереном («всеми чувствами предан царю своему и его наследнику») и выступающее основой нравственности («нравственность его сохранилась чистою»). В свое время при изучении фенелоновского «Телемака» поэт указал великому князю, сделавшему соответствующую выписку, на следующее место: «Они <подданные> должны не просто повиноваться ему, но должны любить повиноваться. Он царит в сердцах всех и каждого, которые и не думают его низвергнуть, а боятся потерять его и готовы отдать за него жизнь» ([8], ср. также о помете Жуковского при чтении этого фрагмента [9. С. 496]). Александр, тем самым, рисовался в письме идеальным воплощением «семейственной монархии», исповедуемой Жуковским и основанной на эмоционально-ценностном отождествлении царя и подданных как членов одной семьи.

Важной составляющей здесь была еще и «рыцарская» семантика. Рейтерн должен был стать не просто одним из многих, но лично преданным человеком, палладином наследника престола. Знаменательно, что Жуковский очень точно вписал эти символические контексты в ритуальную культуру николаевского царствования.

Орас Верне. Царскосельская карусель (1843)

Буквально через несколько дней после отсылки данного письма 23 мая 1842 г. в Царском Селе отмечалось 25-летие со дня бракосочетания императора Николая I, организованное по рыцарскому сценарию. В 7 часов вечера с площадки Арсенала выступил

рыцарский кортеж, состоявший из 16 дам и 16 кавалеров. В рыцарской кавалькаде участвовала почти вся царская семья. В сопровождении герольдов и музыкантов лейб-гвардии кирасирского Его Величества полка живописная группа (участники представления

были одеты в подлинные средневековые доспехи из личной коллекции императора) прошла по парку и остановилась у Александровского дворца. Здесь была исполнена карусель – вид конного состязания, пришедшего на смену рыцарским турнирам. Рыцари двигались по кругу и на всем скаку выполняли ряд упражнений – именно этот момент изобразил на своей картине «Царскосельская карусель» (1843) известный французский живописец Орас Верне (1789–1863). Подобные карусели проходили и ранее не только в Царском селе, но и в Санкт-Петербурге, и Москве.

Немалый вклад в формирование «рыцарских» контекстов николаевского царствования внес сам Жуковский, в первую очередь через культ «прекрасной дамы», связанный с Александрой Федоровной, «Лаллой Рук», о чем подробно писали О.Б. Лебедева [10], Д.В. Долгушин [11], Денка Крыстева [12]. Причем, по справедливому замечанию Н.Е. Никоновой, рыцарские мотивы творчества самого Жуковского значительно изменились в 1830–1840-е гг., представ в стихотворных повестях, а также в переводе «Одиссеи» в виде провиденциального служения высшей истине [13]. Их основой явились идеи «духовного рыцарства», генетически восходящего к масонской концепции, о чем в свое время говорил А.С. Янушкевич применительно к кругу общения молодого поэта [14, 15]. В дальнейшем, в контексте революционных событий 1848 г., рыцарско-провиденциальный ореол русского самодержавия будет противопоставлен по этому низкой прагматике буржуа и пролетариев, чуждых идее какого-либо служения и вообще уважения к надличным ценностям.

Применительно к Александру Рейтерну путь служения наследнику престола представлял в виде духовной миссии, а этапы карьеры являлись степенями проверки и эпохами личностного строительства. В уже приведенном письме Жуковский просил высочайшего внимания для того, чтобы юноша благополучно прошел круг обучения в Дворянском полку, военно-учебном заведении для подготовки к офицерской службе, где, в первую очередь, он должен был хорошо освоить русский язык. Ранее Александр учился в прусской военной школе в Кельне.

К сожалению, П.И. Бартенев при публикации писем Жуковского к наследнику престола в «Русском архиве» исключил большую часть упоминаний об Александре Рейтерне. По каким соображениям это было сделано, остается только догадываться (такова могла быть воля царской семьи или М.Х. Рейтерна), но неизвестные в печати письма открывают новые любопытные детали биографии молодого человека и символических сюжетов, которые использовал Жуковский для их интерпретации перед лицом высочайшего адресата.

Таково неопубликованное письмо от 2 (14) сентября 1842 г., рассказывающее о болезни Александра Рейтерна, приключившейся буквально через два месяца по приезде в Санкт-Петербург:

Дело в моем шурина Рейтерне, о котором Вы так милостиво отозвались в предпоследнем письме Вашем. При самом своем приезде в Пе-

тербург он, как Вам известно, жестоко занемог; но болезнь огорчала и мучила его гораздо менее, нежели необходимость остановиться в ту самую минуту, как он со всею ревностью молодости готов был вступить в службу Государю и Отечеству [16. Л. 89].

В метафорической системе письма болезнь Рейтерна предстает частью «рыцарского» сюжета испытания, согласно которому паладину необходимо пройти инициацию и мужественно претерпеть беды и невзгоды. Источником их является не некий персонафицированный противник, но сама судьба, провидение, проверяющее силу духа претендента, его способность к «ревностной службе». Причем риторическое обыгрывание метафоры строится на преувеличенном энтузиазме героя, способного не задумываясь пожертвовать собой ради сверхличного долга:

Рейтерн будет добрым солдатом; он здоровья крепкого, ничем не испорченного; он полон рвения. Но болезнь была жестокая; если она не совершенно излечится, то на первых порах все его будущее погублено будет; если же он, вступив теперь в службу, не получит подобной возможности совершенно оправиться. Но в этом случае я боюсь за него его собственной ревности: надев мундир юнкера, он будет кипеть нетерпением приняться за дело и невозвратно себе повредит на утре жизни, если примется за это дело слишком рано [16. Л. 89 об.]².

Тем самым великому князю предлагалась роль доброго сюзерена, который не стал бы требовать от рыцаря деяний, превосходящих его возможности, а напротив – увидел в болезни знак Провидения и проявил милость к Александру, к через это и к Божьей воле. В подобном риторико-метафорическом коде ощутимы переключки с сюжетикой рыцарских баллад Жуковского: с «Роландом Оруженосцем», где отец избегает ставить перед сыном невыполнимую цель – победить великана, а также с «Графом Гапсбургским», где монарх жертвует для облегчения мук умирающего свою лошадь. В прагматическом плане это воплотилось в просьбу о личном надзоре цесаревича за здоровьем новоиспеченного юнкера:

Прошу Вас сохранить его от этого несчастья: ручаюсь Вам, что он будет Вам стойким слугою и делом, и словом, и мыслью, какого лучше Вам желать не надобно. Устройте, прошу Вас, так чтобы до своего полного исцеления он остался на том положении в каком теперь находится, то есть у своих родных и на руках Арнта³; особенно, чтобы *его не требовали в полк*; если теперь, когда он еще почти калека, его туда потребуют, то, конечно, он не даст себе порядком вылечиться, не выдержит, как должно, и может повредить себя навечно: тогда ему самому будет погибель, а служба от того не выиграет; прошу Вас убедительно принять это к сердцу; *призовите Арнта и дайте Ваше*

могучее приказание в полк, чтобы Рейтерн не был тревожим с службы до Вашего собственного на то разрешения; это будет от Вас великая милость и мне; а для себя сохраните Вы славного солдата [16. Л. 90].

Усилия поэта по созданию рыцарского ореола вокруг личности Александра Рейтерна не пропали втуне и в конце 1844 г. увенчались актом высочайшего покровительства. В начале декабря Рейтерн был произведен в офицеры лейб-кирасирского полка, шефом которого был наследник престола. Молодой человек с радостью сообщил об этом родителям, а Жуковский в благодарственном письме великому князю от конца 1844 г. представил свою интерпретацию свершившегося события, окружив его атмосферой провиденциального акта, прозрения сюзереном истинной сущности рыцаря и личного воодушевляющего ободрения:

Вы его к себе призывали и говорили с ним. Вижу Вас отсюда с благородною Вашею осанкою и с простосердечием благоволения. <...> Ваше чутье угадало его. Сохраните свято эту врожденную Вам привлекательность: она есть истинно-царское качество. Если бы знали всегда земные цари, сколько могущества заключается в благоволении, в ласковом взгляде и слове и особенно в уважении, оказываемом в лице каждого достоинству человека; если бы знали это *беспрестанно* и в то же время, как это *легко* и как недостойно для могущества вселять только страх и трепет; если бы все это помнили во всякий час и во всякое время: какая бы непобедимая армия из любви и верности около Вас сомкнулась! Но Вам это *знание* вложено в душу без Вашего ведома Создателем души Вашей; оно у Вас всегда и будет. Благодарите Создателя и храните дар Его [16. Л. 132–132 об.].

Дабы упрочить личную связь двух Александров, господина и его рыцаря, Жуковский отправил со своим письмом несколько писем младшего Рейтерна к семье, передающих высокий пиетет и охвативший юношу после встречи с наследником престола энтузиазм. Это, в свою очередь, помогло выстроить следующий этап «рыцарского» сюжета, когда персональное покровительство воплощается не только в знаках внимания, но и в обеспечении его благополучия – чтобы благородный, однако бедный паладин не посрамил своим видом и оружием чести сюзерена. В прагматическом плане подобная метафорика воплотилась в просьбе о высочайшем пенсионе, адресованной цесаревичу почти сразу за получением вести о произведении Рейтерна в офицеры. Поскольку это письмо в печати не было известно, воспроизводим его полностью.

Вчера ввечеру было опять большое торжество в семействе моего тестя, соединенное с благодарностью к Вашему Высочеству: Александр Рейтерн написал к отцу о произведении его в офицеры. Милостивое Ваше внимание,

конечно, весьма много содействовало для доставления Рейтерну этого счастья. Мне утешительно и трогательно думать, что во всем добре, которое случается со мною и с моими ближайшими, заключается более или менее частица Вашего. Целую от всего сердца Вашу милую руку за Рейтерна. В то же время беру смелость откровенно поговорить с Вами о его обстоятельствах и предать его будущую судьбу на произвол Вашего благоволения. Вашему Высочеству известно состояние отца его; одинокий с таким состоянием мог бы жить вполне безбедно; отец семейства с тремя дочерьми и четырьмя сыновьями, из которых один на службе, а другие учатся и подрастают, весьма часто должен решать, что бы он сделал, чтобы дать себе и семье необходимое и бывает принужден во многом и весьма нужном себе отказывать. Что же когда при таких обстоятельствах наступит необходимость записывать и снаряжать сына в службу и поддерживать его на службе так, чтобы ему не было стыдно перед другими – сущая невозможность. До сих пор содержать сына было затруднительным и весьма затруднительным для Рейтерна; но кое как, подавая друг другу руку, мы выходили из этого затруднения. Он ждал минуты, когда сын будет произведен в офицеры, опираясь на нашу общую с ним веру, что он не остановит молодого человека при первом его шаге на пути его, шаге, от которого все его будущее зависит. С этою верою приношу Вашему Высочеству мою просьбу от меня и от отца за офицера Рейтерна. Благоволите причесть его к тем, коим Вы даете пособие жизни. Здесь Ваше благотворение падет на добрую землю, отвечаю Вам за честного, верного своему делу, храброго солдата, который всегда стоит за свое знамя и с рыцарскою радостью отдаст жизнь за своего Государя. Когда я прошлого года был в Баден Бадене, его высочество великий князь Михаил Павлович говорил со мной об Александре Рейтерне и изъявил милостивую готовность ему сделать добро. Я считаю необходимым приличием написать в теперешнем случае к Его Высочеству о Рейтерне и просить доброго великого князя, которого люблю душевно, обратить свое внимание на молодого человека. Но Вы будьте ему особенным благотворителем так же, как и мне самому; на Вас возлагаю за него надежду и Вам наперед, вместе с его отцом, приношу жертву сердечной за него благодарности. Сохрани Вас Бог и Ваше семейство.

Жуковский.

Декабря 11 / 23 1844.

Франкфурт н/М. [16. Л. 128–129].

Просьба была услышана и в скором времени воплотилась в новый знак монаршей милости, о чем Жуковскому сообщил 21 марта 1845 г. В.Д. Олсуфьев, гофмаршал цесаревича: «<...> спешу тебя уведомить, что по доведению мною до сведения Государя наследника письма твоего от 1-го марта⁴, Его

Высочество всемилостивейше пожаловать соизволил молодому Рейтерну полторы тысячи руб[лей] ас[сигнациями] годового пособия. Копию с состоявшегося по сему рескрипта при сем к тебе посылаю. Рейтерн у меня был, он, кажется, скромный и добрый малый и очень недурен собою» [17. С. 320].

Ответ Жуковского великому князю стал своеобразным финалом в сюжете о первом шаге палладина под покровительством своего доброго сюзерена: формулы этого письма от 7 (19) апреля 1845 г. пронизаны метафорикой пути и верной службы, в которой единственно рыцарь-Рейтерн видит свое призвание:

Олсуфьев уведомил меня о новом благово-
рении, которое Ваше Высочество мне оказали.
Всем сердцем благодарю Вас за себя, за добро-
го моего Рейтерна, столь достойного Вашего
благоволения и за молодого сына его, которому
Вы вдруг облегчили дорогу его, совершение
которой с успехом часто зависит от первого на
ней шага. Ручаюсь за него: он будет служить
верою и правдою и по влечению сердца, и по
правилам, которые вложило в него прекрасное
домашнее воспитание [7. С. CXVI].

Последующая служба Александра в лейб-кирасирском полку протекала благополучно и питала в семействе Рейтернов настоящий культ любви и почтения, спроецированный как на императорское семейство, так и на самого молодого корнета, чем дальше, тем больше становившегося домашней легендой – в том числе из-за удаленности и невозможности личного свидания. Именно этот семантический ореол окружает упоминания о Рейтерне в письмах Жуковского к наследнику престола 1846–1847 г. и мотивирует просьбы об отпуске. Вначале они облекались в формы поэтического намека, призванного пробудить тонкую чувствительность сюзерена к душевному состоянию рыцаря, рвущегося увидеть семью, как в письме от 15 (27) февраля 1846 г.:

За сим следует описание минутного поэтического сновидения, которое мне причудилось в ту минуту, как поставил последнюю точку и которое весьма легко может обратиться в событие одним волшебным царским словом. Мне привиделся наш милый наследник; вижу, что он вышел из кабинета царева, и лицо его сияло от удовольствия, и по этому сиянию догадался я, что ему удалось исполнить просьбу своего старика Жуковского; и наследник сказал кому-то, лица я не разглядел, похож был на Семена Алексеевича⁵, только за плечами его было крылышко: написать приказ, чтобы явился корнет кирасирского его высочества полка Александр Рейтерн. Корнет Рейтерн явился (во сне почта ходит скоро), и наследник сказал корнету Рейтерну: тебе дан отпуск на 28 дней; поезжай к своим родным, отдай Жуковскому это письмо и возвратись к сроку. И... но в это мгновение сон исчез; я увидел себя по прежнему перед своим

письменным столом... и передо мною стоял бронзовый образ наследника... и этот бронзовый молчал... А что скажет мне живой, не знаю... А у меня одно про него слово: благодать Богу всякую минуту его жизни! [7. С. CXXXV].

Этот намек поэта остался без ответа, что подвигло его ровно через год 16 (28) февраля 1847 г. уже без околичностей просить великого князя быть ходатаем перед императором об отпуске для молодого Рейтерна, апеллируя к чувствам отца, столь долго разлученного с сыном:

Повергаюсь к стопам Его Величества с упо-
вающей молитвой позволить сыну Рейтерна
посетить свое семейство, с которым он уже бо-
лее четырех лет в разлуке. В теперешнюю ми-
нуту это будет благоволением несказанным.
Отец не знает о моей просьбе; я не хочу воз-
буждать в нем надежды, которая, может быть,
не должна исполниться; но смею сам надеять-
ся, что моя молитва не будет отвергнута Госу-
дарем, которого милостями все мое семейство
так щедро осыпано. Будьте за нас ходатаем.
Целую Вашу милую руку [7. С. CL].

На сей раз просьба была удовлетворена и уже вскоре – 17 (29) апреля 1847 г. – Жуковский мог поблагодарить наследника престола с высочайшей милостью:

На последнее письмо мое я еще не имел
счастья получить от Вашего Высочества отве-
та; это, думаю, оттого, что Вы хотите мне дать
его с Рейтерном; он еще до сих пор не мог от-
правиться в путь свой; но от него я имею изве-
стие о милости, ему оказанной по Вашему вы-
сокому ходатайству. Целую Вашу руку за этот
новый знак благоволения ко мне и к моему се-
мейству [7. С. CLIII].

С началом революционных событий в Европе к опыту мирной службы Александра Рейтерна добавился опыт военный. В составе лейб-кирасирского полка с 30 мая по 26 октября 1849 г. он участвовал в Венгерском походе, правда так и не добравшись до места сражения (полк остановился в Польше [19. С. 408–409]). А вскоре произошел эпизод, сведения о котором оказались выпущены П.И. Бартеневым из публикации писем Жуковского к наследнику престола в «Русском архиве». Эти события, доселе остававшиеся неизвестными, мы хотели бы упомянуть по причине их драматичности и загадочности. В конце 1849 либо в начале 1850 г. между Александром Рейтерном и Михаилом Ивановичем Туманским, генерал-майором и командиром лейб-кирасирского Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича полка, т.е. непосредственным начальником молодого офицера, произошла какая-то неприятная размолвка личного свойства. В чем она заключалась, нам пока не удалось выяснить, но она могла поставить крест на карьере

Рейтерна. Дабы предупредить возможные последствия, Жуковский в письмах, написанных между 28 января (9 февраля) и 13 (25) февраля (первое) и 1 (13) марта 1850 г. (второе) обратился за высочайшей помощью: он попросил перевести Рейтерна из лейб-кирасирского полка, т.е. из под начала Туманского, в штаб армии адъютантом главнокомандующего И.Ф. Паскевича. Приводим выпущенные в публикации «Русского архива» эти фрагменты писем.

В настоящем случае приношу Вашему милостивому Императорскому Высочеству мою живейшую благодарность как от себя, так и от моего тестя. При этом необходимо должен представить Вам объяснение насчет Александра Рейтерна. Я писал Вашему Высочеству о нем не по его желанию, ему еще и по сию пору неизвестно, что об нем писано. Я писал, правда, с согласия отца, но без ведома сына и по одному собственному побуждению тотчас по прочтении письма моего шурина, который извещал отца своего, что некоторые личные обстоятельства поставили его в затруднительное отношение с его шефом (отношение, в котором вина не на стороне моего шурина), вследствие чего ему лучше выйти из полку своего, нежели в нем оставаться. Теперь почитаю необходимым известить Ваше Высочество, что не он просит из полку, а я, из опасения за его будущее, сам придумал, не спросив с ним обратиться с моею к вам просьбою, на которую последовало такое милостивое от Вас разрешение. Отзыв об Александре Рейтерне, который собственноручно Вами выражен в Вашем письме, привел в восхищение отца, он не смеет сам выразить перед Вами письменно своего чувства и просит меня положить к Вашим стопам его благодарность несказанную. В то же время он осмеливается просить Вас не давать этому делу никакого дальнейшего хода – пусть будет, что будет. Но ни ему, ни сыну его не останется ничего желать после такого от Вас одобрения, которое для обоих есть верх счастья. Где может быть Александру Рейтерну лучше, как не в том полку, который носит Ваше имя и где он может <быть> на глазах Ваших. Я с живейшей любовью целую руку, написавшую мне такие радостные для меня строки (между 28 января (9 февраля) и 13 (25) февраля 1850 г. [16. Л. 302–302 об.]).

Если Ваше Императорское Высочество получили мое последнее письмо и благоволили его прочитать, то весьма легко поймете, как мне было радостно получить Ваши милостивые строки. Это письмо Ваше, столь полное благоволения, смею сказать, столь дружеское, глубоко тронуло всю мою душу. Прошу Вас один раз навсегда простить мне мою мнительность; она есть в одно время и знак моей к Вам привязанности и страх потерять Вашу милость, и моя старость, и то отдаление, в котором и так давно осужден жить от

Вас и от отечества. Помогите Бог вырваться из когтей этого изгнанничества. Принося Вашему Высочеству сердечную благодарность за себя, благодарю и за моего Рейтерна, для которого Ваше столь милостивое о нем воспоминание было радостью сердца. Мы любим в Вас не одного царевича наследника, которому принадлежим по нашей присяге, но и чистую, правдивую, высокую, боголюбивую, человеческую душу. При этом и я и он приносим благодарность Вашему Высочеству за милостивое слово о нашем молодом кирасире, Вами нам подаренное. Привязываясь к этому милостивому слову, позволяю себе войти к молодому Рейтерне в некоторые объяснения и просить Ваше Высочество обратить на них благосклонное внимание. Отношение, в котором по одному весьма неприятному обстоятельству мой шурина должен теперь находиться к своему шефу, весьма затруднительное. Позвольте мне не входить ни в какие объяснения, прошу об одном и смею быть уверен, что Вы мне в этом не откажете. Поверьте Вашему старому наставнику на слово, когда он Вам скажет, что в этих обстоятельствах нет и тени вины на моем шурина, в них ничто не касается службы, дело совершенно личное. Но эти обстоятельства такого рода, что шеф Александра Рейтерна должен теперь иметь к нему чувство неприязненное. Партия неровная. Если шеф захочет (чего, впрочем, он, может быть, и не сделает) повредить своему подчиненному, то на это ему представится тысяча случаев и никакое покровительство не защитит гонимого. И Вам самим, при Вашей благосклонности к А.Р. (которой, смею Вас уверить, он стоит и по характеру, и по усердию к службе), будет невозможно избавить его от беды своим покровительством. Для избежания этой беды я полагаю необходимым удалить его из полка и, чтобы это удаление было ему полезно, мне пришлось в голову просить князя Варшавского принять его к себе в адъютанты, если на то получу Ваше соизволение. Если же Вам будет угодно даровать мне это соизволение, то могу ли просить Вас быть покровителем моей просьбы перед фельдмаршалом? Два слова, сказанные Вашим Высочеством в пользу моего шурина, будут решительны. Служа при фельдмаршале, он бы практически учился делу военному и, конечно, оправдал бы милости Ваши, которыми Вы его так щедро осыпаете. Конечно, ему тяжело будет оставить тот полк, в котором начал службу, который Ваш полк и в котором он, так сказать, был на глазах Ваших, но что же делать? Оставляя это дело на произволение Вашего Высочества, прошу Вас сделать мне милость изъять мне в немногих строках Вашу волю. Прибавлю к этому уверение, по совести, что Рейтерн заслуживает Ваше благоволение по своему честному характеру, по своей верности долгу, по своей рыцарской готовности все отдать за Государя, что есть особенное отличительное свойство и отца его и всех Рейтернов, сколько я их ни знаю. Поручусь Вам, что как военный он не ударит лицом в грязь и в этом

отношении заслуживает Ваше особенное покровительство. (1 (13) марта 1850 г. [16. Л. 299–300]).

Просьба Жуковского в очередной раз была услышана и удовлетворена, и уже 14 (26) июня 1850 г. он смог поблагодарить цесаревича за содействие в переводе Рейтерна (фрагмент письма также подвергся исключению при публикации).

Начинаю письмо свое по обыкновению изъяснением сердечной благодарности перед Вашим Императорским Высочеством за новое с Вашей стороны благоволение: мой язык с Вами есть беспрестанное повторение в разных формах одного и того же слова *благодарю!* И как мне усладительно повторять его с глубоким чувством его значения!

Вчера получил я любезное письмо от фельдмаршала, в котором он уведомляет меня, что сделал представление о определении моего шурина Рейтерна к нему в адъютанты. Это сделано по Вашему милостивому ходатайству – не могу выразить, как это трогает мое сердце и как мне весело благодарить Вас. Позвольте здесь прибавить одну просьбу: благоволите довершить Вашу милость, сохранив моему

шурина *на первых порах* то воспомоществование, которое он теперь от Вашего Высочества получает; при перемене положения он должен будет войти в издержки, а у него все в обрез, отцу нет никакой возможности ему помочь, и я теперь не имею для того средства, ибо заграничная жизнь, особенно болезнь жены, последние тревожные переезды, предстоящее путешествие и, наконец, необходимость заводиться домом по приезде в Россию, где у меня, как говорится, нет ни кола, ни двора, все это съело и съест много моей бедной фортуны. Собравшись с силами, могу на будущее время помочь моему шурина. И потому, не прося для него никакой новой помощи, прошу Ваше Императорское Высочество сохранить ему на первую пору то, что уже давно им (так!) Вами в пособие назначено с такою несказанной ко мне и к нему милостию [16. Л. 332–332 об.].

Адъютантом И.Ф. Паскевича Александр прослужил до 1856 г., когда стал адъютантом самого императора, приняв участие в войне с Турцией, заслужив награды и тем самым вполне подтвердив «рыцарские» надежды ушедшего из жизни поэта.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Петр Федорович Веймарн (1795–1846), генерал-лейтенант, начальник штаба гвардейского корпуса.

² Все выделения в цитатах здесь и далее принадлежат Жуковскому.

³ Николай Федорович Арендт (1786–1859), хирург, лейб-медик, главный лечащий врач императорской семьи.

⁴ Данное письмо Жуковского к В.Д. Олсуфьеву от 1 (13) марта 1845 г. с подробным изложением обстоятельств материального положения семьи Рейтернов, повторяющим вышеприведенное письмо к наследнику, см. в изд. [18. С. 149–151].

⁵ Семен Алексеевич Юрьевич (1798–1865), генерал от инфантерии, преподаватель и впоследствии флигель-адъютант великого князя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лотман Ю.М. «Договор» и «вручение себя» как архетипические модели культуры // Лотман Ю.М. История и типология русской культуры. СПб. : Искусство-СПб., 2002. С. 22–33.
2. Русский архив. 1883. № 3.
3. Голичев В.Д., Голичева Н.Д., Попова В.В. С твердой верой в будущность России // Вестник Псковского государственного университета. Сер. Социально-гуманитарные науки. 2016. № 4. С. 3–18.
4. Gerhard von Reutern. Ein Lebensbild, dargestellt von seinen Kindern und als Manuskript gedruckt zur 100 jährigen Gedächtnisfeier seines Geburtstages. St. Petersburg, 1894. 57 s.
5. Майков П.М. Русский художник в Германии // Русский вестник. 1894. Т. 234, № 9. С. 219–237. № 10. С. 3–16.
6. Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. М. : Языки славянской культуры, 2004. Т. 14. 768 с.
7. Русский архив. 1883. № 4.
8. ГАРФ. Ф. 678. Оп. 1. № 198.
9. Янушкевич А.С. Круг чтения В.А. Жуковского 1820–30-х годов как отражение его общественной позиции // Библиотека В.А. Жуковского в Томске. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1978. С. 466–521.
10. Лебедева О.Б. Примечания // Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. М. : Языки славянской культуры, 2000. Т. 2. С. 595–603.
11. Долгушин Д.В. Миф о королеве Луизе в творчестве В.А. Жуковского // Сюжетология и сюжетография. 2014. № 2. С. 108–114.
12. Крыстева Д. «Политическая ботаника» В.А. Жуковского в дискурсе придворного романтизма и мифологии монархии: от «Лалла Рук» к «Тюльпанному дереву» // Жуковский: Исследования и материалы. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2017. С. 107–138.
13. Никонова Н.Е. Рыцарская тема в поэзии В.А. Жуковского // Канунова Ф.З., Айзикова И.А., Никонова Н.Е. Эстетика и поэтика переводов В.А. Жуковского 1820–1840-х гг.: проблемы диалога, нарратива, мифопоэтики. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2009. С. 373–383.
14. Янушкевич А.С. Диалог И.В. Лопухина и Н.М. Карамзина («Духовный рыцарь» и «Рыцарь нашего времени») // Масонство и русская литература XVIII – начала XIX веков. М. : Эдиториал УРСС, 2000. С. 156–163.
15. Янушкевич А.С. В.А. Жуковский и масонство // Масонство и русская литература XVIII – начала XIX веков. М. : Эдиториал УРСС, 2000. С. 179–192.
16. ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. № 1680.
17. Письма В.Д. Олсуфьева В.А. Жуковскому // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. М. : Студия ТРИТЭ: Рос. архив, 2010. Т. XIX. С. 305–337.
18. Отчет Императорской Публичной библиотеки за 1889 г. СПб. : Типография В.С. Балашева, 1893. 241 с.
19. Марков М.И. История Лейб-гвардии Кирасирского Ее Величества полка: в 2 т. СПб. : Государственная типография, 1884. Т. 1. 484 с.

Статья представлена научной редакцией «Социология и политология» 14 ноября 2018 г.

VASILY ZHUKOVSKY IN THE FATE OF ALEXANDER REITERN (BASED ON THE LETTERS OF THE 1840S TO GRAND DUKE ALEXANDER NIKOLAEVICH)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 436, 21–29.

DOI: 10.17223/15617793/436/3

Vitaly S. Kiselev, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: kv-uliss@mail.ru

Keywords: A.E. Reiter; V.A. Zhukovsky; Grand Duke Alexander Nikolaevich; family monarchy; knightly semantics.

The article reviews episodes of the biography of Alexander Reiter (1824–1879), a military, administrator and diplomat, that were covered in the letters of the 1840s from his brother-in-law Vasily Zhukovsky to Grand Duke Alexander Nikolaevich. Throughout almost his entire career, Reiter was a model of a personally loyal person who fully entrusted his fate to the monarch and was ready to perform any service he required. Reiter formed such an ethos in the 1840s, when he was an eighteen-year-old man who thanks to Zhukovsky's patronage joined the Russian military service. It was a peculiar gesture of gratitude to the royal family, who were patrons of the artist G.V. von Reiter's family since the mid-1820s. This was how Zhukovsky described this Reiter's decision in a letter to the crown prince on May 18 (30), 1842, in which the young man was depicted as the ideal embodiment of the "family monarchy" based on the perception of the tsar and his subjects as members of one family. An important component here was also the "knightly" semantics. The path of service to the crown prince was drawn in Zhukovsky's letters in the form of a spiritual mission, and the career stages were the stages of confirmation and the epochs of personal construction. Such is the unpublished letter of September 2 (14), 1842, telling about Reiter's illness on his arrival in St. Petersburg. In the metaphorical writing system, it appears as part of a "knightly" plot of testing, according to which a paladin needs to undergo an initiation and bravely endure troubles and hardships. The efforts of the poet to create a knightly halo around the personality of Alexander Reiter did not disappear in vain, and, at the end of 1844, they culminated in an act of supreme patronage. In early December, Reiter was promoted to officer of the Life Cuirassier Regiment, whose chief was the heir to the throne. This, in turn, helped to build the next stage of the "knightly" plot, when personal patronage is embodied not only in signs of attention, but also in ensuring well-being – so that the noble, but poor paladin does not disgrace the suzerain (a letter of December 11 (23), 1844, previously unknown in print). The article first time publishes a number of fragments, excluded by P.I. Bartenev in the first publication of Zhukovsky's letters to the crown prince in the *Russkiy Arkhiv* journal, which tell about the further fate of Reiter during 1845–1850 – invariably in the halo of the knightly semantics. Such are the letters of April 7 (19), 1845, February 15 (27), 1846, February 16 (28), 1847, April 17 (29), 1847, with requests for the young man to visit his family and gratitude for the great prince's regular good deeds for him. The article concludes with previously unknown fragments of three letters between January 28 (February 9) and February 13 (25), March 1 (13), 1850, and June 14 (26), 1850, in which Zhukovsky tells about his brother-in-law's conflict with his chief M.I. Tumansky and appeals for the highest help: he asks to transfer Reiter from the Life Cuirassier Regiment to the army headquarters by the adjutant of the commander-in-chief I.F. Paskevich, which the crown prince did.

REFERENCES

1. Lotman, Yu.M. (2002) *Istoriya i tipologiya russkoy kul'tury* [History and typology of Russian culture]. St. Petersburg: Iskusstvo-SPb, pp. 22–33.
2. *Russkiy arkhiv*. (1883) 3.
3. Golichev, V.D., Golicheva, N.D. & Popova, V.V. (2016) With firm faith in the future of Russia. *Vestnik Pskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Sotsial'no-gumanitarnye nauki*. 4. pp. 3–18. (In Russian).
4. Reutern. (1894) *Ein Lebensbild, dargestellt von seinen Kindern und als Manuskript gedruckt zur 100 jährigen Gedächtnisfeier seines Geburtstages* [Gerhard von Reutern. A picture of life, presented by his children and printed as a manuscript for the centenary commemoration of his birthday]. St. Petersburg: [s.n.].
5. Maykov, P.M. (1894) Russkiy khudozhnik v Germanii [Russian artist in Germany]. *Russkiy vestnik*. 234(9). pp. 219–237; 10. pp. 3–16.
6. Zhukovskiy, V.A. (2004) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 20 t.* [Complete Works and Letters: in 20 vols]. Vol. 14. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
7. *Russkiy arkhiv*. (1883) 4.
8. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 678. List 1. File 198. (In Russian).
9. Yanushkevich, A.S. (1978) Krug chteniya V.A. Zhukovskogo 1820–30-kh godov kak otrazhenie ego obshchestvennoy pozitsii [V.A. Zhukovsky's circle of reading of the 1820s–1830s as a reflection of his social position]. In: Kanunova, F.Z. (ed.) *Biblioteka V.A. Zhukovskogo v Tomske* [V.A. Zhukovsky's library in Tomsk]. Tomsk: Tomsk State University.
10. Lebedeva, O.B. (2000) Primechaniya [Notes]. In: Zhukovskiy, V.A. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 20 t.* [Complete Works and Letters: in 20 vols]. Vol. 2. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
11. Dolgushin, D.V. (2014) Queen Luise's Myth In V. A. Zhukovsky's Poetry And Prose. *Syuzhetologiya i syuzhetografiya*. 2. pp. 108–114. irr
12. Krysteva, D. (2017) "Politicheskaya botanika" V.A. Zhukovskogo v diskurse pridvornogo romantizma i mifologii monarkhii: ot "Lalla Ruk" k "Tyul'panomu derevu" ["Political Botany" of V.A. Zhukovsky in the discourse of court romanticism and the mythology of the monarchy: from "Lalla Ruk" to "Tulip Tree"]. In: Yanushkevich, A.S. (ed.) *Zhukovskiy: Issledovaniya i materialy* [Zhukovsky: Research and Materials]. Tomsk: Tomsk State University.
13. Nikonova, N.E. (2009) Rytsarskaya tema v poezii V.A. Zhukovskogo [Knightly theme in the poetry of V.A. Zhukovsky]. In: Kanunova, F.Z., Ayzikova, I.A. & Nikonova, N.E. *Estetika i poetika perevodov V.A. Zhukovskogo 1820–1840-kh gg.: problemy dialoga, narrativa, mifopoetiki* [Aesthetics and poetics of V.A. Zhukovsky's translations of the 1820s–1840s: Problems of dialogue, narrative, mythopoetics]. Tomsk: Tomsk State University.
14. Yanushkevich, A.S. (2000) Dialog I.V. Lopukhina i N.M. Karamzina ("Dukhovnyy rytsar" i "Rytsar' nashego vremeni") [Dialogue of I.V. Lopukhin and N.M. Karamzin ("The Spiritual Knight" and "The Knight of Our Time")]. In: Sakharov, V.I. (ed.) *Masonstvo i russkaya literatura XVIII – nachala XIX vekov* [Freemasonry and Russian literature of the 18th – beginning of the 19th centuries]. Moscow: Editorial URSS.
15. Yanushkevich, A.S. (2000) V.A. Zhukovskiy i masonstvo [V.A. Zhukovsky and Freemasonry]. In: Sakharov, V.I. (ed.) *Masonstvo i russkaya literatura XVIII – nachala XIX vekov* [Freemasonry and Russian literature of the 18th – beginning of the 19th centuries]. Moscow: Editorial URSS.
16. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 728. List 1. File 1680. (In Russian).
17. Nalepin, A.L. (ed.) (2010) Pis'ma V.D. Olsuf'eva V.A. Zhukovskomu [Letters from V.D. Olsufyev to V.A. Zhukovsky]. In: *Rossiyskiy arkhiv: Istoriya Otechestva v svidetel'stvakh i dokumentakh XVIII–XX vv.: Al'manakh* [Russian Archive: The History of the Fatherland in the stories and documents of the 18th – 20th centuries: Almanach]. Vol. 19. Moscow: Studiya TRITE: Ros. arkhiv.
18. Imperial Public Library. (1893) *Otchet Imperatorskoy Publichnoy biblioteki za 1889 g.* [Report of the Imperial Public Library for 1889]. St. Petersburg: Tipografiya V.S. Balasheva.
19. Markov, M.I. (1884) *Istoriya Leyb-gvardii Kirasirskogo Ee Velichestva polka: v 2 t.* [History of Her Majesty's Life Cuirassier Regiment: in 2]. Vol. 1. St. Petersburg: Gosudarstvennaya tipografiya.

Received: 14 November 2018